

ВОЛЬНЫЙ 8 ЛЕКАРЬ

СТУДЕНТ

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин
Вольный лекарь.
Студент. Том 8
Серия «Вольный лекарь», книга 8**

*<https://litres.ru/74574263>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Несмотря на козни одного профессора, я смог поступить в медицинскую академию. Однако мою радость омрачила дурная весть: Полина и Сергей пропали по пути в Москву. Я должен их найти, ведь только у меня есть руны-следопыты. Но и это еще не все горести: с юга по империи расходится эпидемия неизвестной болезни. Мне нужно решить все проблемы за три недели – до начала занятий.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Студент. Том 8

Глава 1

Я всматривался в текст телеграммы, но будто не мог понять смысл написанного. Что значит «Полина и Сергей не добрались до Москвы», если давно должны быть здесь? Куда запропастились?

— Что случилось? Кто эти люди? — встревожился Анатолий Ренатович.

— Мои друзья. До сих пор не добрались из Иркутска до Москвы, — упавшим голосом ответил я, чувствуя, как сама мысль о том, что с Полиной что-то случилось, словно тиски сдавливала сердце.

— Не надо сразу думать о плохом. Сам знаешь, какая дорога. Может, задержки рейсов или просто решили не торопиться.

— Нет, этого не может быть. Полина готовилась к поступлению в женскую гимназию и говорила, что экзамены у нас

должны быть в одно время. Я выехал раньше, потому что... — мне вдруг стало стыдно признаваться лекарю в том, что я был вынужден бежать из города. — В общем, я выехал раньше, но в пути случилось много разного, поэтому сильно задержался. Я думал, что они уже обошли меня, а, оказывается, их в Москве нет, а старший Базаров поехал на их поиски.

— Базаров? — задумался Анатолий Ренатович. — Кто такой этот Базаров?

— Фабрика у него текстильная в Иркутске.

— А-а, из промышленников, — кивнул он. — Тогда деньги должны водиться. Небось уже нанял людей, которые пустились по следу твоей Полины.

— Скорее всего, так и есть, — согласился я.

— Ты все равно ничего не сможешь сделать. Поэтому не тревожься зря. Если бы пароход утонул или дирижабль упал — давно бы все газеты трубили. Значит, ничего плохого не случилось, — попытался он успокоить меня.

— А если бы на них в дороге разбойники напали, об этом тоже бы написали?

— Ну... Если где-то поблизости, то, возможно, и написали, — с сомнением ответил он. — Если в другой губернии, то только в местных новостях сообщили бы о найденных телах или заброшенном экипаже.

После этих слов мне стало не по себе. А что, если и вправду их убили? Нет-нет, не буду думать о плохом. Сергей рассказывал, что он отличный фехтовальщик и хорошо стреля-

ет, поэтому смог бы расправиться с обычными придорожными разбойниками. Или не смог? Эх, зря я уехал один. Надо было остановиться в какой-нибудь деревеньке под Иркутском и отправить им весточку. Вместе бы поехали в Москву.

— На тебе лица нет, — Анатолий Ренатович налил воды и протянул мне стакан. — Попей и выдохни. Уверен, скоро все разъяснится, и твои друзья найдутся. Кстати, на чем они ехали и где пропали?

— Ничего не знаю, — мотнул головой.

— Вот поэтому надо сначала все выяснить, а не придумывать себе всякого. Как говорится, утро вечера мудренее. Ложись спать, а завтра подумаем, как действовать. У меня есть знакомые в разных городах. Если понадобится — всех на уши подыму, — пообещал он.

— Вы правы, — я залпом выпил воду, отнес стакан на кухню и поднялся к себе.

Приняв душ, еще долго лежал в кровати, глядя на светлый лик луны и думая о Полине и Сергее. Я про них ничего не знал с того самого дня, как уехал из Иркутска. Мы договаривались, что будем путешествовать на дирижаблях, ведь это самый быстрый способ добраться до нужного места, но они могли все переиграть, потому что, как оказалось, это не самый надежный способ передвижения.

Возможно, они решили продолжить путь на экипаже. У Базаровых породистые и быстрые скакуны, на которых можно положиться в долгой дороге. Или до самого Нижнего Нов-

города плыли на пароходе, а потом пересели на поезд. Или рискнули и полетели на дирижаблях. Гадать можно было бесконечно, поэтому я решил последовать совету Анатолия Ренатовича и лечь спать. Завтра напишу Илье, чтоб выяснил подробности.

Архимонах Прокопий Рязанов сидел в кресле в своем кабинете на самом верхнем этаже Святилища и, сложив молитвенно руки, просил помощи у своего божества Истинного. Только что ему доложили о том, что случилось с Рачковым и что сибирский знахарь жив и невредим.

— ...умоляю, направь меня по верному пути и дай силы справиться с врагами нашего ордена, — закончил он свою речь, склонил голову перед оком в треугольнике, которое грозно смотрело на него со стены, и совершенно без сил откинулся на спинку кресла.

Из-за всех переживаний, которые выпали на его долю в последние дни, к нему вернулась давняя болезнь, что ломала кости по ночам и не давала спать.

Архимонах повернулся к светлеющему небу и почувствовал себя таким слабым и никчемным, что сердце защемило от жалости к себе. Он всю жизнь шел к посту, который занимал, но сейчас понял, что недостойн его: прихожан становилось все меньше, казна ордена таяла на глазах, служители все чаще действовали не во благо Истинного, а ради собствен-

ных амбиций. В прошлом году служитель одного из храмов назвал уважаемого человека Пособником тьмы и, подговоров десяток прихожан, намеревался поджечь его имение, но был схвачен и на допросе признался, что просто обиделся на человека за то, что тот недостаточно крупную сумму положил в ящик для пожертвований. Об этом прознали газетчики и раструбили на всю империю. После этой истории прихожан стало еще меньше, чем было.

Два месяца назад, как раз к ужину, прямо в резиденцию заявился сам начальник канцелярии военного министра — суровый мужчина с пышными усами и цепким взглядом, и недвусмысленно намекнул, что если уж орден занимается извращением империи от Тьмы, то пусть это делает не так открыто и тщательно подчищает за собой. Прокопий сразу понял, о чем речь, ведь как раз накануне один из его людей доложил, что найден маг, владеющий даром управления огнем. Двое из личной охраны главы «Лика Истинного» должны были подстроить несчастный случай, в результате которого маг бы погиб, но тот оказался живуч и, мало того, побежал прямо к военному министру и рассказал о том, что произошло. Он не смог доказать, что все было подстроено и что к этому делу причастен архимонах, но все понимали, чьих рук это дело.

Известие, полученное сегодня, полностью выбило его из колеи, отчего промелькнула мысль оставить пост главы ордена и уйти на покой, но он взял себя в руки и разорвал бу-

магу, на которой уже начал писать причину своего поступка. Загадочная смерть Рачкова, который буквально на ровном месте упал и умер, вызвала множество вопросов. Но больше всего его интересовало, почему сибирский знахарь до сих пор жив. Неужто у опытного наемника дрогнула рука? Или он пожалел юношу? И что на самом деле произошло в доме лекаря Калинина? На все эти вопросы никто из тех, кто был приставлен следить за наемником, не смог ответить. Как и на вопрос, почему Рачков вломился в дом, когда в нем были пожилые супруги, но не было знахаря?

— Истинный, укажи мне верный путь, — со вздохом отчаяния прошептал архимонах и поднялся с кресла.

Сегодня была служба, а это значит, что прихожане оставили деньги в ящике для пожертвований. Он любил лично их пересчитывать, прежде чем класть в сейф.

Прокопий Рязанов мечтал о лифте, которые появились в доходных домах. Это изобретение здорово бы облегчило его жизнь, ведь почти каждый день, а иногда и не по одному разу, приходилось спускаться и подниматься на четвертый этаж, в кабинет.

Однако в этот раз спускаться он не захотел и, приоткрыв дверь, велел охранникам, что сопровождали его повсюду:

— Поднимите сюда ящик для пожертвований.

— Но ведь... — хотел было возмутиться один из охранников, но второй ткнул его локтем в бок, и тот замолчал.

Архимонах понимал, что это непростая задача, ведь сам

ящик был отлит из чугуна и вмурован в массивный гранитный блок — такой не сможет украсть незаметно ни один вор. Но и жалеть кого-то кроме себя не хотел.

Приказав служителю, что сидел в его приемной и вел учет посетителей, принести чай с пирожными, он вновь вернулся за свой стол и грузно опустился в кресло. Архимонаху казалось, что из-за болезни ломит все суставы, и он мечтал поскорее вернуться домой, лечь в мягкую постель и велеть слуге смазать суставы камфорным маслом. Однако дела ордена были превыше всего. Нужно посчитать деньги и решить, что делать с сибирским знахарем.

Вскоре служитель принес поднос, поставил его на стол перед Прокопием и поспешно вышел. Архимонах с наслаждением откусил пирожное с белковым кремом и запил крепким черным чаем. Это несколько взбодрило его, поэтому к тому моменту, когда охранники, обливаясь потом, затащили в кабинет ящик для пожертвований, Рязанов уже находился в приподнятом настроении.

Открыв замок ключом, что висел на шее, он откинул крышку и с раздражением выдохнул. Даже без пересчета было понятно, что денег явно меньше, чем на прошлой неделе. Прокопий выгреб все до последней копейки на свой стол и начал считать, делая пометки в учетной книге, чтобы не запутаться. Сначала посчитал крупные купюры — их бросали зажиточные дамы и делали это демонстративно, чтобы все видели, насколько они щедры. Затем купюры помельче —

эти в ящик опускали люди семейные, которые приводили в Святилище детей и приучали к набожности. В самом конце пересчитал засаленные копейки, какие обычно бросают в ящик старухи, когда деньги уже на исходе, но грешно уйти, не поблагодарив за проповедь.

Написав окончательную сумму, он горестно вздохнул. Всего двести тридцать пять рублей восемьдесят три копейки. В былые времена за одну службу пожертвований было не меньше тысячи, а теперь — жалкие крохи.

Положив деньги в сейф, он снова позвал охранников, чтобы те вернули ящик на место. Мужчины повздыхали, но послушаться не осмелились. Как только их шаги стихли за дверью, архимонах вернулся ко второй проблеме, а именно — к знахарю Устинову.

С одной стороны, знахарь не был злодеем, который с помощью своей способности занимается разбоем или другим предосудительным делом. Но, с другой стороны, он — маг, а это значит, что в себе носит часть той Тьмы, о которой предупреждали еще несколько столетий назад праотцы-создатели ордена «Лик Истинного».

Прокопий недолго сомневался. Решение было принято примерно через две минуты с того момента, как он вообще задумался о знахаре.

Допив уже остывший чай, он съел последнее пирожное и вышел из кабинета.

— Меня сегодня больше не будет, — сказал он служителю

и подошел к винтовой лестнице.

От мысли от том, что придется пройти столько ступеней, ему стало не по себе. Суставы отзывались болью при каждом движении, поэтому лестницы были для него настоящей каторгой. Обычно его страховали охранники, но сейчас их здесь не было, ведь до сих пор откуда-то снизу доносилось их кряхтение.

Выдохнув, он вцепился в резные перила и начал спускаться. Ноги слушались с трудом, пальцы ныли, но он понимал, что, как только покажет посторонним свою слабость, тут же станет уязвим. У главы ордена не может быть болезней, иначе быстро найдутся те, кто захочет сместить его с этого поста.

Утром я поехал навестить Наталью. Зарубин, как и доктор, который ее наблюдал, удивлялись тому, как быстро женщина идет на поправку. Никто, включая саму больную, не знал, что это я применил свои способности и помог в лечении.

— Это все потому, что я к детям хочу, — призналась Наталья, когда лекари оставили нас одних. — Душа не на месте. Как они там без меня?

— Вчера я к ним заглядывал... — начал было я, но женщина прервала меня.

— И как они? Муж мой дома был? — спросила она, впе-

рившись в меня встревоженным взглядом.

— Да, все хорошо. Сидели за столом, ужинали, — соврал я. Ни к чему расстраивать больную женщину. — За вас беспокоились, но я сказал, что операция прошла хорошо.

— За столом ужинали? Хм, — похоже, не такого ответа она ждала.

— Если хотите, я могу и сегодня сходить.

— Ой, а вам не трудно? Как-то неудобно вас просить.

— Не трудно, все равно по пути.

— Тогда, если позволите, я напишу им несколько слов, чтобы детки мои не боялись за меня. Они у меня грамотные. Только малыши читать не умеют. Подождете?

— Пишите, — кивнул я и подвинул к ней чернильницу, стоящую на тумбочке, дал в руки перо и лист бумаги.

Женщина немного приподнялась, обмакнула перо в чернила и принялась выводить буквы. Было видно, что письмо дается ей с трудом, и почти в каждом слове есть ошибка, но смысл был понятен.

— Вот, передайте от меня, — она сложила лист вчетверо и отдала мне. — И скажите, что, как только поправлюсь, вернусь домой и петушков на палочке каждому куплю. Они у меня петушков страсть как любят.

— Хорошо, выздоравливайте, а я к вам еще загляну.

Перед тем как уйти, я взял ее руку и быстро нарисовал руну «Исцеления», чтобы ускорить заживление. Женщина внимательно посмотрела на меня, затем — на свою руку и

расплылась в улыбке.

— Я чувствую. Я все чувствую, — прошептала Наталья.

— Что вы чувствуете?

— Тепло по всему телу, когда вы вот так пальцем по руке водите. Вы меня лечите.

Она не спрашивала, а утверждала. Я лишь пожал плечами, развернулся и двинулся к двери.

— Спасибо! Спасибо за все! — крикнула она мне вслед.

Я вышел из больницы и направился на улицу Харитонова к дому Натальи. По пути купил сладостей, хлеба и молока. Еще издали увидел детей, которые носились по двору. Отец семейства с опухшим лицом, но трезвый, сидел на крыльце и держал на коленях ребенка. Увидев меня, он поднялся на ноги, опустил ребенка в траву и пошел мне навстречу.

— Здорово, — он первым протянул мне руку. — Дети мне все рассказали. Благодарствую за помощь.

Я пожал ему руку и отдал письмо Натальи.

— Жена ваша идет на поправку. Скоро будет дома. Вы — человек взрослый и сами решаете, что делать со своей жизнью, но теперь на вас дети. Уж постарайтесь не пить и лучше заботиться о них, чтоб голодными не сидели, — строго сказал я и переключил зрение.

Мне хотелось понять, почему к мужчине прицепилась эта пагубная привычка. Уж не проделки ли сущности? Однако в его голове не было никакого подселенца, только боль после спиртного, которую я лечить точно не буду. Сам пил — пусть

сам и страдает.

— Да знаю я, — он махнул рукой и стыдливо опустил голову. — Самому стыдно за вчерашнее. Мне ведь все начали говорить, что Наташка моя помрет. Если не болезнь ее убьет, то операция уж точно. Вот я и сорвался.

— Держите, — я отдал ему кульки с едой и предупредил: — Я буду заглядывать, пока Наталья не вернулась домой.

Погладив по курчавой голове малыша, который приполз к моим ногам и с интересом рассматривал меня, я развернулся и двинулся к калитке.

— Почему ты заботаешься о нас, хотя мы даже не знакомы? — бросил мне вслед мужчина.

— Не могу иначе, — ответил я и бодро зашагал по дороге в сторону телеграфной станции.

Я не мог сидеть сложа руки, пока Полина в беде, поэтому намеревался выяснить побольше сведений и тоже поехать на ее поиски. В телеграмме попросил Илью еще раз сходить к Базаровым и поговорить с дворецким. Возможно, ему что-то известно. Анатолий Ренатович прав, сейчас бессмысленно что-то предпринимать, ведь я даже не знаю, сколько они с Сергеем проехали и где потерялись. А может, они пропали уже в Москве? Или совсем недалеко уехали от Иркутска? Как бы то ни было, но мне нужно больше данных, чтобы хотя бы знать, откуда начать.

Расплатившись за телеграмму, я вышел на улицу и услышал крик разносчика газет:

— Срочные новости! Неизвестная болезнь добралась до Краснодара! Страдает целый город! Никто не знает, как остановить эпидемию! Срочные новости!

Час от часу не легче.

Глава 2

Все газеты трубили о распространении неизвестной болезни. Мы с Анатолием Ренатовичем прочли все, что было написано на эту тему. Выяснилось, что первые заболевшие живы, но почти не двигаются. Их кормят и поят с помощью специальных трубок, ведь сами они так ослабли от продолжительной болезни с высокой температурой, что не в состоянии позаботиться о себе.

— Как же они не могут разобраться с тем, что происходит? — лекарь мерил шагами столовую. — Ведь не в каменном веке живем. Уж с температурой-то могли справиться. Обертывания, холодные компрессы, чай с малиной, наконец! — возмущался он.

— Толя, успокойся. От того, что ты нервничаешь и переживаешь, ничего не изменится, — проговорила Вера, разливая чай по чашкам.

— Ты права. Толку нет сидеть здесь. Надо ехать в Краснодар, — Анатолий Ренатович остановился и посмотрел на жену горящими глазами. — Нужно помочь коллегам.

— Толя, а как же твои больные? — развела она руками. — Ведь что ни день — что-то происходит.

— Здесь остается Яров. Пусть к нему идут за помощью. Как-никак он — академик медицинских наук. Уж побольше моего знает и умеет.

— А если ты сам подцепишь эту болезнь? — забеспокоилась Вера. — Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Вера права, — поддержал я женщину, нарезаая свежий ароматный хлеб. — Поэтому поедем вместе. Присмотрю за вами.

— Этого только не хватало! — Вера неодобрительно посмотрела на меня. — Я против вашей поездки. В конце концов, это дело медицинского департамента. Пусть они отправляют своих лучших работников бороться с недугом.

— Разве можно найти кого-то лучше нас? — лекарь подмигнул мне и улыбнулся.

— А как же учеба?

— Еще три недели до начала занятий. Успеем, — махнул рукой Анатолий Ренатович.

Женщина долго возмущалась и отговаривала, но лекарь был непреклонен. Он сказал, что обязан ехать туда, где нужна его помощь. А меня берет с собой, так как не раз убеждался в том, что я смогу не только себе помочь, но и другим. К тому же мне как будущему медику нужно набираться опыта и смело идти против любой болезни.

— Тогда и я с вами, — решительно сказала Вера, когда поняла, что отговорить нас не удастся.

— А вот это точно лишнее, — Анатолий Ренатович строго посмотрел на жену. — Женщинам там не место.

— Как всегда, — закатила она глаза. — Почему все мужчины думают, что женщины слабые?

— Я не говорил, что ты слабая, но, если с тобой что-то случится, я себе этого не прощу. К тому же кто-то должен присматривать за садом и огородом, — лекарь опустил за стол, налил горячий чай в блюдце и с шумом отпил. — Смо-
родиновый лист как раз к месту. Очень вкусный чай. Спасибо, Верочка.

Женщина повздыхала, но больше не стала настаивать на поездке. Видимо, понимала, что лекаря уговорить все равно не удастся.

Я до позднего вечера ждал вестей от Ильи, но почтальон так и не появился. Я не знал, как поступить правильно: ехать с лекарем или помочь в поиске Полины. Теперь все зависело от того, что ответит Илья.

— Когда поедем в Краснодар? — спросил я у лекаря, подсев к нему в саду на скамью.

Анатолий Ренатович лопал стручки и высыпал горох в корзину.

— Завтра же съезжу за билетами. А что? — он поднял голову и посмотрел на меня.

— От Ильи все еще нет ответа.

— Если ты откажешься ехать со мной — я пойму. Друзей надо разыскать.

Я кивнул и принялся помогать ему очищать горох.

— Здорово ты Мелехину утер нос, — с довольным видом сказал он. — Только переживаю, как бы он тебе не стал мстить. Учиться на лекаря тяжело. Надо много теории зуб-

ритель, преодолевать брезгливость и боязнь трупов. Помню, как я в первый раз попал в анатомический театр, — он усмехнулся и задумчиво посмотрел на луну, висящую над лесом на потемневшем фоне неба. — Труп был свежий, поэтому почти не пах, но, как только начали его разрезать, меня тут же стошнило прямо на пол. Я потом не только за собой убирал, но и за трупом кровь подтирал в наказание. Второй труп уже было легче перенести, но, когда нас вывели на опознание утопленника, снова не стерпел. Столько лет лекарем работаю, а к трупам привыкнуть не могу. Жуть берет, и тошнота подступает. Ты хоть раз вблизи труп видел? — спросил он меня.

— Видел, — кивнул я. — На похоронах и наставника своего, Ерофея.

На самом деле я видел горы трупов на поле брани: расчлененные тела, обезображенные лица, выпотрошенные кишки и разлагающуюся плоть. В одном из походов я со своим отрядом наткнулся на дикое племя людоедов, которые украшали свои жилища черепами съеденных людей, а на груди носили высушенные фаланги человеческих пальцев. Они так легко относились к смерти, что бросались на нас — вооруженных до зубов магов — с деревянными копьями и каменными топорами. Также я узнал, что в голодные годы, когда неблагоприятная погода приводила к неурожаю, они убивали своих стариков и съедали их. Притом старики никак не пытались спастись, а даже чаще убивали себя сами, чтобы помочь

потомкам принять это непростое решение.

Прошлая жизнь закалила меня и научила проще относиться к разного рода неудачам и трудностям, но у меня было одно больное место — это мои родные. Я не мог себе представить, что могу навредить кому-то из них, и становился диким опасным зверем, если им угрожала опасность. Вот и теперь, не имея семьи, я искал себе близких по духу людей и старался оберегать их. Полина и Сергей стали моими близкими, поэтому я переживал за них. Надеюсь, у Ильи получится хоть что-то разузнать об их судьбе.

— О чем задумался? — вывел меня из воспоминаний голос лекаря.

— Да так, ни о чем, — пожал я плечами, дочищая последние гороховые стручки.

Мы зашли в дом и, пожелав друг другу доброй ночи, разошлись по комнатам.

Лекарь Илья окончил прием больных поздно вечером. Выпроводив старушку, которая каждую неделю находила у себя новую болячку, он устало опустился на стул и потер глаза. Весь последний месяц он замещал двух лекарей, один из которых слег с оспой, а второй сломал ногу, поэтому работы прибавилось.

Взглянув на кипу историй болезни, которые нужно было заполнить должным образом, он не смог сдержать тяжелый

вздых. Ему стало казаться, что его жизнь состоит из череды больных людей и бесконечной писанины. Он уже не помнил, когда мог просто прогуляться по городу, а не спешить на вызов. Или когда спокойно сидел в трактире и общался с друзьями, а не отвечал на бесконечные вопросы посетителей трактира, которые знали, что он лекарь, и подходили со своими проблемами.

— Илья Валерьянович, ты до сих пор здесь? — в дверях показался коллега, который так же, как и он, засиживался допоздна.

— Здесь, Павел Романович, — скорбным голосом ответил Илья.

— Может, пойдем выпьем чего-нибудь покрепче? — предложил он.

— Я бы с радостью, но сам видишь, — он кивком указал на истории болезней.

— А-а-а, — понимающе кивнул тот. — С этим тянуть нельзя. Завтра уже не вспомнишь, кто с чем приходил. Ну ладно, не буду тебя отвлекать, — доктор уже хотел закрыть дверь, но Илья вскочил с места и воскликнул:

— Подожди! Пойдем в трактир. Надоело все! — он рывком снял с себя белый халат, схватил с крючка сюртук и ключи.

Когда мужчины вышли на улицу, Павел Романович указал на ближайший трактир, в котором Илья не раз сидел со своим другом Степаном Устиновым и в котором его все знали,

но Илья отказался. Он понимал, что снова не удастся спокойно посидеть, поэтому повел товарища в трактир, который находился аж в конце соседней улицы.

— Слышал про эпидемию? — спросил Павел Романович.

— Да-а, лишь бы до нас не добралась, а то и так работы невпроворот, — кивнул Илья.

— Как думаешь, что это может быть?

— Даже не представляю. Ясно одно — ничего хорошего ждать не приходится. Либо половину населения выкосит, как чума. Либо к зиме пропадет.

— Если введут карантин, то до нас не доберется, а если нет — пиши пропало. Мы с тобой не только днем, но и ночью не сможем выйти из больницы, — невесело усмехнулся Павел Романович.

— Не-е, я сыт по горло этой неблагодарной работой. Иногда хочется все бросить и пойти на завод обычным рабочим. Отработал смену и домой — красота. А у нас что? У меня уже три часа назад как рабочий день закончился, но разве это кого-то волнует, ведь обязаны сидеть до последнего пациента.

— Ты прав. В последние деньки работы прибавилось, но я не жалуясь и про завод не думаю. Уж лучше чистеньким, в белом халате в кабинете сидеть, чем гарью дышать и тяжести таскать. Погоди, привыкнешь и перестанешь так страдать, — он по-дружески похлопал Илью по плечу.

— Не хочу к такому привыкать, — буркнул лекарь.

Они добрались до трактира, где выпили по две рюмки коньяка, съели запеченного карпа и разошлись по домам.

Когда Илья открыл дверь, увидел конверт, который подсунули в щель у пола. Это была телеграмма от Степы, в которой он просил выяснить, где именно пропала Полина Базарова. Илья понимал обеспокоенность друга, поэтому решил с самого утра перед работой сходить к Базаровым и все выяснить.

Переодевшись в пижаму, он забрался под одеяло и почти сразу же заснул. Снились ему большие. Сотни и тысячи больших обступили его со всех сторон и без конца что-то говорили, отчего возникал гул, в котором невозможно было разобрать ни слова, сколько бы он ни пытался. Потом этот сон сменился на истории болезней, которые летели, махая страницами, к его дому и облепляли его.

Всю ночь промучавшись кошмарами, он проснулся по будильнику и первым делом со злости задулил его под печь, а уже потом нехотя поднялся, умылся и, выпив кружку прохладного молока, пошел к дому Базаровых.

Утром, после завтрака, появился почтальон с телеграммой от Ильи. В ней лекарь писал, что дворецкий знает лишь то, что Полина в последний раз отправляла телеграмму из Нижнего Новгорода почти три недели назад. Из гостиницы «Вioletta», в которой они с Сергеем жили, потом съехали, но

в Москву так и не прибыли. Старший Базаров поднял жан-дармерию и ищет ее.

— Плохие новости? — осторожно уточнила Вера.

Они с лекарем настороженно наблюдали за мной. Видимо, у меня на лице было написано, что я обеспокоен.

— Мне нужно в Нижний Новгород, — сказал я, сложил телеграмму и убрал ее в карман.

— Когда? — спросил Анатолий Ренатович.

— Зачем?! — одновременно с ним воскликнула Вера.

— В Новгороде последний раз видели Полину. Оттуда я могу взять ее след.

— Как это «взять след»? Как ищейка, что ли? — недоуменно спросила Вера.

— Почти, — улыбнулся я.

— Езжай, — кивнул лекарь. — Ты знаешь, что делаешь.

— Спасибо за поддержку, — кивнул я и поспешил на второй этаж собирать вещи.

Я решил перебороть свое предвзятое отношение к дирижаблям и добраться до места именно на нем, ведь это был самый быстрый способ передвижения. На прощание Вера попросила держать их в курсе дел, а Анатолий Ренатович пообещал дожждаться меня, чтобы вместе поехать в Краснодар.

— Удачи тебе, и помни — ты не один. Мы всегда готовы прийти к тебе на помощь. Ты можешь на нас положиться, — напутствовал лекарь.

— Спасибо. Я очень дорожу вами.

Я чмокнул в щеку прослезившуюся Веру, крепко пожал руку Анатолию Ренатовичу, забросил на плечо рюкзак, некогда подаренный Семеном, и вышел со двора.

Извозчик Сергей, увидев меня в окне у своей калитки, поспешил навстречу.

— Снова в Москву? — спросил он, спускаясь с крыльца.

— Угадал.

— Да что тут гадать? — улыбнулся он. — По деревне можно и пешком прогуляться. Куда едем?

— На вокзал. Надеюсь, успею на ближайший дирижабль до Нижнего Новгорода.

— На кой тебе в Новгород? Родня там живет? — спросил он, выводя коней из стойла.

— Не совсем, — ушел я от ответа.

— Что будешь делать, если дирижабль уже улетел? — уточнил он.

— Ты мне отдашь на время одного из своих резвых коней. За хорошую плату, конечно.

— Запросто. Тебе, как постоянному клиенту, даже скидку сделаю, — кивнул он.

Позже, когда мы добрались до вокзала, выяснилось, что как раз сегодня в обед есть рейс до Нижнего Новгорода. Я купил самый дешевый билет и занял место на скамейке у окна. Оставалось надеяться, что Полина жива и все не напрасно.

Время шло мучительно медленно. Мне казалось, что

стрелки на больших круглых часах, висящих на стене, будто увязли в чем-то желеобразном и с огромным усилием продвигаются вперед. Чтобы хоть как-то ускорить время, я вышел на улицу и обошел ближайшие лавки. Купил кружку кваса с мясной кулебякой и кусок вяленого мяса в дорогу.

Ровно в час дня началась посадка. Я поднялся в гондолу, чувствуя себя не так уверенно, как в прошлый раз. Теперь-то я знал, что даже в небе нельзя считать себя в безопасности.

В каюте кроме меня было еще трое мужчин. Они тоже обсуждали эпидемию, что надвигалась с юга. Я же мыслями искал Полину. Ходить пешком или нанимать извозчика не хотелось, поэтому решил взять лошадь в аренду. Возможно, след поведет меня в Москву или, наоборот, совсем в другую сторону. Как бы то ни было, руна «Наместел» и книга, подаренная Полиной, помогут мне найти ее... живую или мертвую.

Путь до Нижнего Новгорода занял почти пять часов. Когда дирижабль спустился на землю, начало вечереть.

Я вышел на улицу и вытащил из кармана телеграмму Ильи.

— Гостиница «Виолетта», — вслух прочел я и осмотрелся.

Поблизости никакой «Виолетты» не было. Я подошел к мужчине, сидящему на крыльце вокзала и лузгающему семечки.

— Не подскажете, где «Виолетта»? — спросил я.

— Виолетта? В первый раз слышу. Не знаю никакую Виолетту. Ольгу знаю, Проклу знаю, Виолетту не знаю, — пожал он плечами.

— Это гостиница так называется, — пояснил я.

— Тем более не знаю. Я дома живу, на кой черт мне гостиница?

— Ясно, — кивнул я и двинулся к извозчику, который только что остановился и внимательным взглядом высматривал клиента.

Уж кто-кто, а они лучше всех знают город.

— Подвезете до «Виолетты»? — спросил я.

— Отчего же не подвезти, — обрадовался он. — Садитесь, поехали.

Гостиница оказалась совсем недалеко, всего минут десять неспешной езды, но извозчик заломил такую цену, будто по всему городу меня прокатил. Я не стал идти у него на поводу и заплатил лишь половину озвученного, на что он начал возмущаться и грозить городовыми.

— Зовите городских. Вот они удивятся, когда узнают, как извозчики обманывают приезжих, — кивнул я.

— Ух-х, жмот! — выкрикнул он и быстро ретировался.

Я подошел к крыльцу, туда, где наверняка Полина проходила, и вытащил из рюкзака книгу, подаренную ей.

Прямо на книге я начал рисовать руну «Наместел». Как только руна активировалась, над книгой появилась голубая стрела, которая указывала вперед, на дорогу. Ну что ж, те-

перь я точно найду Полину. Осталось только надеяться, что она жива.